

Валентин Иванович Яковенко

Несколько слов о Томасе Карлейле

Валентин Яковенко

**Несколько слов о
Томасе Карлейле**

«Public Domain»

1891

Яковенко В. И.

Несколько слов о Томасе Карлейле / В. И. Яковенко — «Public Domain», 1891

«...Томас Карлейль один из наиболее читаемых и почитаемых авторов в Англии. Тэн говорит: спросите любого англичанина, кого у них больше всего читают, и всякий ответит вам – Карлейля... Если бы Карлейль примыкал к какой-нибудь общеизвестной школе в сфере мысли или партии в сфере общественных дел, то мы считали бы совершенно излишним всякие с нашей стороны пояснения...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Валентин Яковенко

Несколько слов о Томасе Карлейле

Печатается по изданию: Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. СПб., 1908. С. 1–18.

Томас Карлейль один из наиболее читаемых и почитаемых авторов в Англии. Тэн говорит: спросите любого англичанина, кого у них больше всего читают, и всякий ответит вам – Карлейля... Если бы Карлейль примыкал к какой-нибудь общеизвестной школе в сфере мысли или партии в сфере общественных дел, то мы считали бы совершенно излишним всякие с нашей стороны пояснения: в таком случае книга¹ говорила бы сама за себя, а то, что в ней осталось недосказанным, уяснилось бы благодаря общему знакомству с мировоззрением, к которому примыкает ее автор. Но все это совершенно неприменимо к Карлейлю; он *единственный* в своем роде мыслитель; у него нет да и, собственно, не может быть ни подражателей, ни продолжателей. Он излагает свои мысли вовсе не путем логических выкладок. Попробуйте отыскать у него большую посылку, малую посылку и заключение. Он мыслит образами. Он вовсе не заботится обставить свою мысль правильно построенными индукциями и дедукциями. Это смущает многих, и академические логики находят, что Карлейль беден по части *мысли*. Впрочем, они готовы снисходительно допустить, что Карлейль возбуждает много мыслей. Но не противоречат ли они, таким образом, сами себе? Разве *маломыслие*, с какой бы горячностью оно ни заявляло о себе, может вообще возбуждать мысль? Затем, самые эти мысли. Они также поражают в первый момент читателя. Вначале они казались дикими и странными также и англичанам. С большим трудом и после долгих поисков Карлейль нашел издателя для первого своего капитального произведения «Sartor Resartus». Но истинная мысль, по верному замечанию самого Карлейля, рано или поздно всегда найдет себе доступ к *искреннему* сердцу человека. И «Sartor Resartus», а затем длинный ряд других его произведений проложили ему дорогу, и его сочинения стали обычным чтением англичан. Пусть русский читатель не теряет из виду этого факта. Почему мысли Карлейля кажутся странными, почему они поражают и мы готовы признать их анахронизмами? Потому, во-первых, что они принадлежат к иному складу мировоззрения, нежели господствующий ныне; и потому, во-вторых и главнейшим образом, что мы прикидываем к нему свои излюбленные шаблоны. Но так как эти шаблоны обыкновенно слишком малы и далеко не могут покрыть собою всего поля мысли Карлейля, то мы прилаживаем их к отдельным отрывочным положениям и утверждениям, и, конечно, получается нечто, на наш взгляд, несообразное. Карлейль высмеивает «свободу и равенство»; он презрительно относится к «баллотировочным ящикам», то есть избирательным урнам, «всеобщему голосованию»; он высокомерно смотрит на «толпу» и т. д. Но оставьте шаблоны и идите вместе с Карлейлем от его высмеивания «свобод и равенств», как эти последние обнаруживаются при *данных* условиях и в *данном* случае, от его презрения к «баллотировочному ящику», как он действует опять-таки *при данных* условиях, от его высокомерия к «толпе», не как к синониму *человечества*, а как выражению серединной пошлости, да постарайтесь подняться вместе с ним по восходящей линии его положительного верования, тогда перед вами раскроются беспредельные горизонты истинной «свободы и равенства», и вы убедитесь, что Карлейль отважно и поистине героически ведет вас в обетованную страну «Царства Божьего» на земле. Вы убедитесь, что Карлейль питал глубокое недовольство существовавшим порядком вещей, что по силе и глубине своего протеста он примыкает к самым передовым людям и что при этом он представляет собою протестанта, отвергающего всякие сделки и временные преходящие решения больших вопросов.

¹ Речь идет о книге «Герои, почитание героев и героическое в истории».

В Карлейле невозможно отделить человека от писателя и мыслителя. Он весь, со всей его «дикой» страстью, отдался своему призванию. Такие цельные натуры встречаются крайне редко, и обыкновенно это бывают люди глубоко религиозные. Цельность и есть прямое последствие религиозности. Мы говорим, конечно, не о догматике. Замечателен внутренний перелом, пережитый Карлейлем в этом отношении. Он имел большое значение для всей его последующей литературной деятельности, и потому мы скажем здесь о нем несколько слов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.